

**А. Чехов о самоубийцах // Новое русское слово
(Нью-Йорк). 1934. 11 августа. № 7866. С. 5.**

ЧЕХОВ О САМОУБИЙЦАХ

В последнем номере «Литературного Ленинграда» напечатано неизданное, чрезвычайно интересное, письмо Чехова к Григоровичу.

История этого письма такова: 30 декабря 1887 года Григорович из Ниш писала Чехову: «Будь я помоложе и сильнее дарованием, я бы непременно описал семью и в ней семнадцатилетнего юношу, который забирается на чердак и там стреляется. Вся его обстановка, все доводы, которые могли довести его до самоубийства, на мои глаза, гораздо важнее и глубже причин, заставивших Вертера наложить на себя руки. Такой сюжет заводит в себе вопрос дня; возьмите его, не упускайте случая коснуться наиболее общественной темы; успех громадный ждет вас с первого же дня появления такой книги». Чехов ответил письмом от 12 января 1888 года, уже известным. К предложению Григоровича он отнесся сдержанно: «На измучивший всех вопрос нужен и мучительно сильный ответ, а хватит ли у нашего брата внутреннего содержания? Нет».

Но тема, очевидно, взволновала его, — и, почти через месяц, 5 февраля, он вновь пишет Григоровичу:

«Не знаю, понял ли я Вас. Самоубийство русского юноши, по моему, есть явление, Европе неизвестное, специфическое. Оно составляет результат страшной борьбы, возможной только в России. Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны: физическая слабость, нервность, половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечта о широкой, как степь, деятельности, безапокой-

ный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мысли; с другой — необъятная равнина, суровый климат, серый суровый народ, со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столицы, славянская апатия и прочее. Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячепудового камня. В Западной Европе люди погибают от того, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно. Простора так много, что маленькому человеку нет сил ориентироваться.

Вот, что я думаю о русских самоубийцах».

В том же письме Чехов сообщает Григоровичу, что «сделал

слабую попытку» воспользоваться его сюжетом в повести «Степь».

Письмо хранилось в архиве института русской литературы академии наук, откуда извлечено С. Балухатын.

А.